

алекс ей тим атков

тиматков алексей тиматков алексей тиматков алексей тиматков алексей тиматков

воздушный шар • воздушный шар • возд

Воймега

серия «приближение»

алексей тиматков

ВОЗДУШНЫЙ шар

Москва
«Воймега»
2004

УДК 821.161.1-1 Тиматков
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Т45

А. Тиматков.

Т45 Воздушный шар. - М.: Воймега, 2004. - 74 с. -
(серия «Приближение»).

ISBN 5-7640-0015-7

© А. Тиматков, 2004.

© С. Труханов, оформление, 2004.

© А. Переверзин, автор проекта, 2004.

© «Воймега», 2004.

• • •

Была дорога ровной и приятной.
Я шел, не торопясь ее пройти,
И с радостью рассеянной касался
То камня, то шершавого ствола.

Блистало утро. Прудик на опушке
Зернистой зеленью мерцал,
Гудели комары под елью,
Покачивалась ветка налегке,

И всю дорогу в воздухе струился
Невидимый, расслабленный дымок —
Как сладковато-острая приправа
К и без того шикарному столу.

Возможно, шел огонь по сухостюю
На просеке, под проводами ЛЭП,
Или какой-то дачник жег газеты,
Открытые детьми на чердаке —

Гадать о том мне было неохота,
Не то что неохота — недосуг.
Я шел вперед и занят был собою,
А мир мне в этом только помогал.

Скользили тени, плыли повороты,
И с каждым шагом разгоралась жизнь,
В моей душе согласно стрекотали

Кузнечики и провода. Но вдруг
Рассеялся дымок.

И воздух опустел, и я очнулся
И тупо посмотрел по сторонам,
И сел у муравейника, не вспомнив,
Куда я шел, откуда и зачем...

Я с той поры вдохнул немало дыма,
Курил табак и разводил костры,
И много раз на ровную дорогу
Ступал, невольно ускоряя шаг.

• • •

В конце просёлочной дороги
Стоит развесистый лопух.
Здесь травы в неге и тревоге,
Над ними стайка пьяных мух.

Здесь, над канавами и пнями
Легко, безжалостно звеня,
Июль колышется волнами,
Июль не узнаёт меня.

Кузнечик чешется в припадке,
И ветер треплет по щеке,
Мол, всё в порядке, всё в порядке
Там, вдалеке.

А после надувает брыли
И вновь уносится туда,
Куда меня всегда манили
И не пускали никогда.

Июльский вечер тих и справедлив,
Все миражи за день испепелив,
В пустой квартире в пепле по колено
Ты бродишь, неприкаянно дыша,
И косная, тяжёлая душа
Катается по телу, как полено.

Но жизнь, законный отпустив паёк,
Тебя волнует, как волна — буёк,
Податливый, пустой и напряжённый.
Когда-нибудь ты выйдешь налегке
И станешь рябью на Москве-реке,
И будешь счастлив чайкой отражённой.

Летние ямбы

На старой даче, летом, на закате,
Когда сочится солнце сквозь траву,
Слова приходят в голову некстати,
Вздыхают, но молчат по существу.

Как будто некая скупая сила,
Толкая пирамиды облаков,
Их походя тебе произносила,
А ты был слаб, угрюм и бестолков.

За полшага до просветлённой грусти
Дыханье потеряло дрожь свою
И захлебнулось в шелесте и хрусте
Растений, оплетающих скамью.

• • •

Заштатная узкоколейка,
Дорога из дыры в дыру.
Мелькает солнце, как копейка,
В верхах деревьев поутру.

Едва прорублена дорожка
В сыром берёзовом леске,
Протянешь руку из окошка —
И плещется листва в руке.

За что мне, объясни, всё это —
В такой дали, в такой глуши
Такое явственное лето
И призрачная жизнь души,

Такая душная крапива,
Колышимая ветерком,
И пять бутылок из-под пива
В немывтом тамбуре рядком.

Звенит порожняя посуда,
И неустойчив, как она,
Я жизнь хочу смотреть отсюда
И лишь из этого окна.

• • •

Как жарит солнце на закате!
А день ушел на пустяки.
Кто обвинит меня в растрате?
Комарики да мотыльки.

Они, как маленькие черти,
Слетаются со всех сторон
На запах грусти или смерти,
Настаивая на втором.

Мычит далекая корова,
Скрипит калитка, лает пес...
Для монолога все готово.
Но честное даю вам слово,
Что я его не произнес.

• • •

Туман такой, что мёрзнет голова,
В таком уже ловить пора бы рыбу.
Бульвары тонут, и ползёт листва
К какому-то далёкому обрыву.

И не верны нога и колесо,
И не видна знакомая дорога,
Туман такой, что верится во всё,
В таком уже искать пора бы Бога.

• • •

Порвались облака — блеснули звезды,
И ветер сногшибательно окреп.
О чем сказать на все века и версты?
Я не знаток созвездий и судеб.

Когда душа выходит из берлоги,
Я так горжусь любым ее зевком.
Сухие листья сыплются под ноги,
Не тронутые русским языком.

Зима пустое место занимает,
Чтоб совершенным холодом сорить.
Увы, звезда звезду не понимает,
Но я могу за них поговорить.

• • •

А в октябре все мысли серы.
Повсюду шорохи и вздохи.
Шуршат листвой пенсионеры
В ботинках брежневской эпохи.

Такие шаткие, чудные,
Нетвердые в движенье робком,
Бредут, игрушки заводные,
По разбегающимся тропкам.

О, сколько их в осеннем парке,
На двух ногах, сухих, как палки,
В одежде мятой и бесцветной,
Упорствует в ходьбе бесследной.

...По адовым кругам старенья
Волною прокатился шелест,
Брезгливо скрипнули деревья,
Еще немного раскошелясь.

Похолодало. По хрущобам
Пора ботинкам твердолобым.

• • •

Развороши костер погасший:
Блеснет угля багровый клык.
На нем уже не сваришь каши
И не сообразишь шашлык.

Он разве что искрой печальной,
Лучом в земле по рукоять,
Во тьме элегии случайной
Еще способен просиять.

Но все тусклее и мгновенней,
Все призрачнее торжество
В позоре этих отступлений,
Уже не помню — от чего.

• • •

Трагизма нет, а есть усталость
И есть привычка ко всему.
Ведёт безвременная старость
Резцом по сердцу и уму,
Колючей стрелкой с циферблата
Дотрагивается до лба.
Что это — грозная расплата
Или законная судьба?

Трагизма нет — семья, работа,
Карьера, дом, хороший друг, —
Какая полнота киота,
Как правильно очерчен круг!
Внутри всё верно и убого,
Сверкают молнии вовне.
Но то, что я не взял у бога,
Он больше не предложит мне.

• • •

Только погасишь в комнате свет
И зашагаешь по ней кругами, —
Возникает детский велосипед
И путается под ногами.

Светильник разума! Посвети
Под ноги. Я не хочу быть грубым.
Я в самом начале большого пути,
А уже соседи стучат по трубам.

Будни

В метро спуститься и забыться,
На дальней станции сойти,
Где вьюга мечется, как птица,
То вдоль, то поперёк пути.

И продвигаться к дому, к дому...
Цыплячьим, маленьким шажком
Влачиться телу молодому
За сигаретным огоньком.

За ужином, обжёгшись чаем,
На вилку наживлять пельмень.
(Кому вечерю посвящаем?
Во славу чью минувший день?)

Отмёрзшими глазами влажно
В окошко чёрное смотреть.
(Почувствовать себя неважно
И в одночасье умереть.)

Наутро тёпленькой водицей
Устало щёки похлестать.
В метро спуститься и забыться.
И на работу опоздать.

• • •

В преддверье метрополитена,
Где ток воздушный и людской,
Где жар почти как у мартена,
Где шум и гул почти морской,

Ютится заскорузлый голем,
Едва подьемля бурелом
Подернутого алкоголем,
Заплывшего сырым теплом

Сознания. И в покое чудном
Его не мучает вопрос
О будущем ночлеге трудном,
Когда погонят на мороз.

Ведь есть испытанное средство,
Прикормленное волшебство —
Звенит стеклянный голос детства
За ухом где-то у него,

Луга колышутся под кожей,
Встает над лесом благодать...
И ты, сердечный мой прохожий,
Не торопись ему подать —

Забьешься в полумрак вагонный
И будешь в точности как он:
Пустой, зевотой замутненный
И жизнью пахнувший флакон.

Ты пронесёшься по метели
Бездумной радиоволной
К неостывающей постели
С неостывающей женой,

И засыпая, все забудешь,
Нырнешь в глухонемую кровь.
А завтра снова будешь, будешь,
И послезавтра будешь вновь.

• • •

Полупустой вагон метро
(Путь нелегко ему даётся)
Стучит, грохочет, как ведро
О стенки долгого колодца.

Ты погружаешься в себя
Тритоном, обезьяной, серной,
И тихо плещется судьба
Со вкусом ржавчины подземной.

Дорожная молитва

Подкинь меня на верхней полке,
Переверни, как блин,
Смоли, как кофе в кофемолке,
Размажь, как гуталин.

Пройдись по мне железной щеткой,
Отчаль меня, отчай,
И духотой, и гадкой водкой
По горло накачай.

Изобрети надежный метод,
Ткни в сердце кочергой, —
Чтоб на перрон сошел не этот,
А кто-нибудь другой.

• • •

Тридцать лет пролежать на печи,
Слушать дождь, пробивающий крышу,
Беспокойно поглаживать грыжу
Или жабу грудную в ночи.

Тридцать лет на печи — красота!
Ни поссать, извини, ни умыться,
Но брюзжать, над родными глумиться
И кидаться костями в кота.

Ядовито глядеть в образа
В ожиданье потопа и пенсии
И затягивать русские песни,
Закрывая от злости глаза.

• • •

Севе Константинову

Пускай набывчиваем жилы
И жаркой брызгаем слюной,
Но кто поверит, что мы живы, —
Лишь полумертвый да больной.

Другие, сытые не словом,
Глотают будней саранчу
И морщатся во сне здоровом,
Который нам не по плечу.

Красноармеец

Я погиб на прошлой войне.
И комар летит не ко мне.
В горле заплесневела водка.
Тонкий войлок дотла промерз,
Торф заполнил бесполой торс,
И в грибницу вросла подметка.

Откопай меня и скажи,
Что удержаны рубежи,
Что настала любовь и братство.
За другие слова, о другом,
Я тебя заколю штыком,
Как цыгана за конокрадство.

• • •

Бог: три буквы на бумаге,
Где бы мне занять отваги,
Чтобы их соединить?
Над корпускулами смысла
Голова моя нависла,
Просит шею удлинить.

Я не в силах, я не в духе.
Плавают три жирных мухи
Во вчерашнем молоке.
Скрип сознания полон фальши,
И расходятся все дальше
Буквы на моем листке.

Перевернута страница,
А в глазах еще двоится
(Это я уже шучу),
Но в пылу благочестивом
Простеньким императивом
Сочиненье заключу:

Надо верить, что Он рядом
(Хоть и не приходит на дом),
Божий мир царапать взглядом
Наподобие гвоздя
И допрашивать надежду,
То ли Мимо, то ли Между
Ежедневно проходя.

• • •

Уста мои встревожены зевотой,
Глаза мои напуганы расплатой.
Я грубо говорю себе: работай,
Хотя бы языком, раз не лопатой.

И грубыми усильями своими
Язык я обрекаю на мученье:
Одной звезды я повторяю имя,
Поскольку повторенье — мать ученья.

А рядом друг, взъерошенный, как птица,
Он весь свой бисер проворонил свиньям,
Но чтоб не позволять душе лениться,
Щекочет он её пером павлиньим.

И вот, пока уста у нас открыты,
Взгляни, что нынче юношей питает:
Во рту хрустят цитаты, как акриды,
И зуб на зуб ногой не попадает.

• • •

Как широким неводом зацепит,
Сопряжёт пугливая строка
Детский гиперсексуальный лепет
И библейский шёпот старика.

Вспыхнет ясным пламенем дорожка,
Вздрагнет от начала до конца.
И опять захлопнется матрёшка.
Тишина. Ни старца, ни юнца.

• • •

Качаются ветки, плывут облака,
Собака бежит против ветра, на запах.
А если — ни запаха, ни ветерка,
Придется придумать восток или запад.

И сразу же слева зажжется фонарь,
Потом обнаружится справа аптека.
Придется собаке засесть за букварь
И насморк лечить до скончания века.

• • •

Андрею Чемоданову

В пустом вагоне людей немного.
Нога выводит последний шаг.
Железной стала моя дорога,
А я задумался и размяк.

В окне мелькают березки, елки,
Чужая скорость несет в мешке.
А я свидетельствую на полке
О потолке.

• • •

Памяти Н. Рыжковой

Когда я думаю о ней,
То на прогулке, то в поездке,
В один из этих темных дней,
Что поступают как повестки,

Когда я думаю о ней —
С каким-то тайным наслаждением,
То сдержаннее, то вольней,
Порою даже с принуждением, —

Я воскрешаю без труда
Ее черты и жду как счастья
Прилива горького стыда.
Он не всегда приходит, Настя.

И ночь, которой нет конца,
Колышет силуэт бумажный
В прохладе третьего лица,
На высоте восьмиэтажной.

• • •

Когда я похож на рекламный щит,
В котором — картон, пустота трещит,
Когда я попросту самозванец, —
Тащите пугало в уголок,
Не вызывайте на диалог,
Не вздумайте приглашать на танец.

Мой кашель — гимн холостой стрельбе,
Сегодня его я дарю тебе,
Стою нетвердо и бью не целясь.
Мешок пружинок, мешок дерьма —
Дарю. А ты рассуди сама,
Какую это имеет ценность.

Мне жалко будущего — оно
Так соблазнительно и темно,
Но я его ковыряю взглядом,
И кровь струится на жернова,
И я тебе говорю слова,
Кто знает, вдруг ты жива. И рядом.

• • •

Тебя весенним ветром принесло,
А я привык быть старым и печальным.
Я долго сквозь холодное стекло
Следил за приближением случайным,

Неверным приближением твоим
И, прежней дружбой заклиная ветер,
Напрашивался всей душой на вертел,
Чтоб окунуться в юношеский дым.

Ты замерла у самого стекла
(О, золотая рыбка, ты на гребне!)
И взглядом испытующим прожгла
Мои гнилые старческие бредни.

Напрасно в глубине сердечных сот
Искал я меда давнего излишек —
Весенний ветер тем, кого несет,
Не позволяет долгих передышек,

Неумолимо дрогнуло стекло —
Тебя весенним ветром унесло.

• • •

Не знаю, что я получил,
Но чувствую себя богатым.
Я громко музыку включил,
Охвачен ласковым закатом.

Как неразменную монету
(Стерев случайные черты),
Пойду терять тебя по свету
До наступленья темноты.

• • •

Я бы хотел, чтоб она приходила
В удобное время, в удобное место
И без вреда для здоровья.
Чтоб не мешала мне быть счастливым
В свое отсутствие. Чтоб посещала
Почаще — садилась в кресло напротив
И разворачивала гостинцы.

Однако гора не идет к Магомету.
Я призываю гору к ответу.
Она молчит — далеко-далеко.
Вряд ли она подвернула ногу
Или забыла дорогу ко мне.
Обидно, что я теряю веру
В ее желанье идти и даже
В ее способность идти и даже
В ее присутствие на пейзаже.

Обидно, что в удобное время
В удобном месте порчу здоровье,
Мечтая о чем-то неподъемном.

• • •

Когда расхочешь все на свете,
Погасишь свет, закроешь рот,
Они придут к тебе, как дети, —
Оно придет, она придет.

Преодолев года и версты,
Пугливой стайкой приплывут
И прежнее твое упорство
Простят, хотя и не поймут.

Они уже, быть может, рядом
И ждут, когда
Ты станешь безмятежным взглядом
Из ниоткуда в никуда.

• • •

Студена кровь осеннего ручья,
На перекате блик танцует, как фитиль,
Она бежит, раскованно журча,
Туда, где, может быть, рукой врача
Или жреца подставлена бутылъ.

От легкости закладывает уши,
Пергаментом хрустит листва, и ты
Распознаешь присутствие снаружи —
Уже идут накладывать бинты.

• • •

Потянешь нитку — глядь, дыра в кармане.
Из памяти посыпался песок.
И вот стоишь один в глухом тумане,
Сжимая в пальцах белый волосок.

Растерянность от пяток до затылка
По телу разливается, как йод.
И катится порожняя бутылка,
И хрипловатым голосом поет.

Ползешь за ней, как сонная улитка,
Заходишь в освещенные дома,
Теряешь кровь и чувствуешь, что нитка
Вытягивается уже сама.

• • •

Здравствуй-здравствуй, дорогой покойник,
Помнишь ли, как в детстве голубом,
Опустив стакан на подоконник,
Я с тобой соприкасался лбом?

Ночь была как перегон каретки,
И, грозя болезнью лучевой,
Сквозь тебя продёрнутые ветки
Жгли нас электрической листвой.

И в последнем, яростном припадке
Юности, отпущенной двоим,
Мы сверяли пальцев отпечатки,
Заручаясь тождеством своим.

Наше утомлённое величье
Тлело то в тумане, то в дыму.
А теперь моё косноязычье
Так близко к молчанью твоему.

• • •

Спасибо похмелью, простуде,
Спасибо любой амплитуде,
Которой мы живы, пока
Горят неподвижные окна,
И мир пеленают волокна
Фонарного столбняка.

Ведь кто-то же должен нарушить
Покой, напотевший снаружи,
Перетасовать набело
Дома и влюбленные пары,
Пока комары и кошмары
Стучатся в ночное стекло.

• • •

Ещё не музыка, но дрожь,
Ещё не дрожь, но ответ боли,
И кровь колыхается, как рожь
На залитом закатом поле.

На горизонте чёрный конь,
На небе белая комета.
Тяжёлый ветер гнёт ладонь,
Протянутую против света.

Но кровь надёжно заперта,
И булькает закат в сосуде.
Нет музыки — но глухота
Меня уже выводит в люди.

• • •

Всё вокруг да около: зов трубы
Или плеск реки под звездой укромною.
Всё как будто в лес идёшь по грибы,
А выходишь в город, в квартиру тёмную.

То шумит листва, то звенит металл,
То подкова счастья вдали зацокала,
А порою кажется: заплутал.
А на самом деле вокруг да около.

• • •

Я надувал воздушный шар за неимением судьбы,
И безработная душа жила иллюзией труда,
И обретали некий смысл дыханья праздного клубы,
Входя в резиновый предел не освященного плода.

Я так стеснялся пустотой, ища, во что себя облечь,
Что обнаруживал объем, почти не раскрывая рта.
Свидетель мира, понятой, я закруглял прямую речь.
Потрогай шарик — он пустой. Но в нем такая теснота!

• • •

...тому, кто меры не нашёл,
Смирительную дай границу,
Чтоб он, изведав произвол,
Смог наконец остановиться

И видеть в небе голубом
Звезду, которая согласна
Висеть над соляным столбом,
Не убежавшим от соблазна.

• • •

О, нашей мысли оболъщенье,
Нечеловеческое Ты!
Я сам томлюсь без воплощенья —
Одни случайные черты.

Никак не вырваться из круга
Хвост пожирающей змее.
Давай довоплотим друг друга
Или столкнем в небытие.

• • •

Когда была мне буря по душе,
Я полагал в гордыне молодецкой,
Что истина — в свободе, в мятеже,
Что строгий жанр — подобие мертвецкой.

Но прав ли был — пока не знаю сам —
Когда смирил сомнительные штормы,
Чтоб розою тянуться к небесам
И принимать классические формы.

И что придет на смену этой вере,
Когда и в ней откроется изъян,
И буду ли в безмерности и в мере
Я чем-нибудь надежным обуян?

• • •

Нет, весь я не умру...

Когда меня разоблачат,
Расколют, как свинью-копилку,
И трупы семерых волчат
Уложат в братскую могилку,

Когда меня разоружат,
Припрут к стене, когда обыщут,
Разворошат, распотрошат,
Но оправдания не отыщут, —

Меня сомнут, как пластилин,
Почтят широкошумным матом,
Но все ж останется один
Не тронутый позором атом:

Лишенный всех моих свобод
И на ошибку не способный,
Он снова мной произрастет
В час, одному ему удобный.

Вступая робким новичком
В непостижимое единство,
Я снова заверчусь волчком.
Потом дозрею и до свинства...

• • •

Жить себе,
писать себе,
писать о себе,
написать о себе все
(и еще пару строк),
наконец, поставить жирную точку.
Поблагодарить себя,
поцеловать себя,
заплатить себе
тридцать серебрянников.

• • •

Я видел пидора в метро
Он щупал пьяного парнишку
Я слава Богу был не пьян
По крайней мере не настолько

Читал какие-то стихи
Но искоса смотрел украдкой
И изучал запоминал
Повадки пидоров ебучих

И говорил себе смотри
Не злоупотребляй напитком
Проявишь слабость и придется
Стать жертвой слабости чужой

А он пощупал и сошел
На станции замоскворецкой
Он вышел руки опустив
С лицом неудовлетворенным

А я подумал Боже мой
Читатель мой недостоверный
Чем я не пьяный паренек
Перед тобою пред Тобю

Страничек десять разомнешь
И щуплую мою книжонку
Закроешь руки опустив
С лицом неудовлетворенным

• • •

Я вышел из метро в такой глуши —
Ни фонаря, ни чипсов, ни хот-дога,
Ни звука, ни трамвая, ни души,
Знакомых звезд — и тех совсем немного.

Ни деревца, ни друга, ни жены,
Ни формы, ни размера, ни названья,
Которые мне все-таки нужны
Ввиду дальнейшего существованья.

Ни цели, ни призванья, ни пути,
Не видно ни подворья, ни становья...
Пора обратно бы в метро войти,
Да нет уже ни силы, ни здоровья.

• • •

То не звёздочка упала в кювет,
То не птица посадила пятно —
Обретаётся на свете поэт,
Обретаётся довольно давно.

Опухая на подножных кормах,
С аппетитом он и курит и пьёт,
Сохраняя только в пьянке размах,
Да и то уже, конечно, не тот.

И, с похмелья ковыряя в носу,
Покидая заливные столы,
Отдыхает в человечесьем лесу,
Ударяясь головой о стволы.

Но порою западает на вдох
И к высокому стремится труду
И бумагу переводит — дай Бог,
Но как будто на другую нужду.

И хоть нету ничего за душой,
Всё мерещится ему торжество —
Ослепляться он любитель большой!
Мне уже т'к и не жалко его.

Только если не отрезан ломоть
И мякина изнутри не черства,
Помоги ему, товарищ Господь,
Всемогущая твоя голова,

То ли тоньше отточить карандаш,
То ли правильно поставить на кон
И подняться над собой на этаж,
Или двери распахнуть на балкон,

Или просто отползти в уголок
И на палец намотать сквозняки
И просроченный раздуть уголёк
На изломе путеводной строки.

Ведь без этого дурак дураком
Источает лишь тоску и хулу,
Оползая надувным языком
По холодному ночному стеклу.

• • •

Поднял глаза — и вынужден отпрянуть,
Сглотнуть, присесть, а лучше бы — упасть.
Закат такой, что хочется украсть
И где-нибудь на черный день припрятать.

Разломы раскаленного свинца,
Полузастывшей магмы напластанья —
Кино о тяжких родах мироздания,
А может, — зрелище его конца.

Но горе мне — пока я корчил строфы,
Окончился торжественный показ.
Так все мы, глядя в зеркало, не раз
Собою заслоняли катастрофы.

• • •

Не Паваротти, не Карузо —
Пичуга, вроде воробья,
Существованье — не обуза
И не профессия твоя.

Не суетись, живи попроще,
Чирикай, червяков глотай
И за пределы этой рощи
До холодов не улетай.

Не различай сосняк и ельник,
Не ведай о добре и зле,
Не вспоминай, что ты, бездельник, —
Подобье Бога на земле.

Не клюй, короче, на приманки,
И все наладится, дружок,
И на Фонтанке, на Фонтанке
Тебе нальют на посошок.

Второй Колобок

*Пускай слова, слабы и серы,
Как мотыльки вокруг свечи,
Очертят нечто вроде сферы,
Мерцающей в моей ночи.
Пускай без плана и без цели
Слова войдут в неё живьём
И разместятся в этом теле,
Заполнив весь его объём.
Пускай числом, а не уменьем
Я разогну тиски тщеты,
С пустым, беспутным вдохновеньем
Болтая языком, — но ты,
Мой лексикон, себя искупишь,
Когда сплетутся сотни строк
В Кулак или хотя бы в Кукиш.
По крайней мере, в Колобок.*

из первого «Колобка» (1995 г.)

1

В ночи всего не разглядишь,
И ни к чему глазам усталым
Впрягаться в темноту да щуриться.
Шумит, как мыслящий камыш,
Проспект за дремлющим кварталом,
Фонарь подсолнухом сутулится.

Ты катишься, как колобок,
И налипает сор словесный
На выпуклости, по окружности.
Вокруг и снег и мрак глубок,
Навстречу – доходяга местный
Плетется в полной безоружности.

Свисает с неба трын-трава,
Лисиц поблизости не видно,
Скользишь по голой достоверности.
Глаза в глаза, слова в слова —
Неутомимо и бесстыдно
Соприкасаются поверхности.

.....

Отложим трудную строфу,
Оставим трудного героя.
Недавно я нашел в шкафу
Пусть юношеское, сырое,
Но актуальное по сей
Неровный час повествовань,
Вселявшее в моих друзей
(Приятно вспомнить) упованье
На мой блистательный расцвет
В грядущем. Ну и что в итоге?
Прошло уже немало лет,
А Колобок еще в дороге.

.....

Тынянов разгадал секрет
Лукавых пушкинских отточий:
Строка — пусть в ней ни слова нет —
Не уступает полномочий
Своих — она эквивалент,
Пустышка, галочка, помета.
Добавь вращательный момент
И вот — Эквивалент Поэта
Кладет монету на язык,
С почтением подходит к лире,
Снимает шляпу и парик
И катится на все четыре.

Абстрактный шар, пустой объем,
Лишенный свойств и черт особых —
Вот вам редукция — прием
Мыслителей высоколобых.
У Колобка высокий лоб,
И пяди не сочтешь по кругу,
Понадобившиеся, чтоб
Явиться в мир через фрамугу.
Вослед ему летит упрек:
— Вернись к родителям голодным!
— Останься хлебом, Колобок! —
Но тело, ставшее свободным,
Уже не хлеб. Беззубым ртам
Приходится посторониться.

Не агроном — но Мандельштам —
О человеческой пшенице
Радел, взволнован и речист,
И быстро угодил под жернов.
Наш Колобок не гуманист
И не мечтатель из жюль-вернов,
И молния в него не бьет.
С беспечностью необычайной
Он гимны прежние поет
Аудитории случайной.

2

Идет расхлябанной походкой
Четырехстопный господин.
Он пахнет водкой и чахоткой
И этикеткой от сардин.

Когда-то прежде — отрок смуглый
И бледный юноша в былом,
Теперь — он мой герой округлый,
Единый духом и числом.

Он в этом мире пообтерся,
Как галька о речное дно,
И все, что выросло из торса,
В конце концов закружено.

В зенит уносится жар-птица,
Иван взбирается на трон,
А Колобку куда катиться?
Катиться проще под уклон:

Грешить бесстыдно, стихотворно,
Сжигать сомненья и мосты —
Все оправдает эта форма
Миражным блеском полноты.

Все шерри-бренди, кока-кола!
Бросай в костер иконостас,
Языческому богу Коло
Помолимся в последний час!

Тут пафос мой меня дурачит:
Растет, как ядерный грибок.
Уже, того гляди, прискачет
Четвертый, бледный Колобок!

Нет, уберем излишек света
И сбавим лишний децибел.
Он не Звезда и не Комета, —
Всего лишь значимый пробел

В поэзии. Вполне уместно
Его определить в печать.
Ведь в музыке, как нам известно,
Должны и паузы звучать.

Звучанье пустоты округло.
Запала клавиша «пробел»,
И звук расходится упруго,
Вызывая свой предел.

Но пустота не знает меры,
Ей меру задают извне.
Кто надувает наши сферы
На гераклитовом огне?

Кто раздает судьбу лихую,
В пустоты душевные струя
Неисправимую, глухую,
Тугую ярость бытия?..

(Вопрос, конечно, интересный,
Но риторический вполне.
Есть на него ответ известный,
Совсем не интересный мне.

Метафизические выси
Дыханью моему вредны.
Итак, доверимся абсциссе,
Нам ординаты не нужны).

Мой Колобок — не струйка дыма.
Нагляден (как трубопровод,
Разгромленный врагами Рима),
Он честно катится вперед.

Его приветствуют трибуны,
Поклонницы бегут вослед,
И я, перебирая струны,
Как обессиленный аэд,

Шлю приглашение знакомым
К сфероиду на юбилей.
Был первый блин хорошим комом,
Но кажется, второй — круглей.

3

В конце просёлочной дороги
Стоит развесистый лопух.
Здесь травы в неге и тревоге,
Над ними стайка пьяных мух.

Здесь, над канавами и пнями,
Легко, безжалостно звеня,
Июль колышется волнами,
Июль не узнаёт меня.

Кузнечик чешется в припадке,
И ветер треплет по щеке,
Мол, всё в порядке, всё в порядке
Там, вдалеке.

А после надувает брыли
И вновь уносится туда,
Куда меня всегда манили
И не пускали никогда.

И можно вдаль торить тропинку,
И можно обратиться вспять,
Но лучше выплюнуть травинку,
Чем слово тихое сказать.

И Колобка нигде не видно —
Хоть в поле загляни, хоть в лес.
Исчез бесследно и бесстыдно,
Но очень вовремя исчез.

Все дружно недоумевают:
Куда же делся наш предмет?
Газеты снова раздувают
Традиционный лисий след.

Но я не верю в эти сказки
И не люблю их вспоминать.
Не будет нравственной развязки.
Какая будет? Вот бы знать!

Ах, что мне делать с этим телом,
Ни с чем не помнящим родства?
Как снег, навалятся слова,
Но мир уже не будет целым.

Теперь ищи его, зови,
Хоть сыном величай, хоть братом,
Лови на удочку любви
Отпавший от природы атом...

Куда он делся — не пойму.
Я от него уже немного
Устал. Вдобавок ко всему
Меня замучила изжога.

Да что там, Господи прости, —
Сухарь некрупного калибра.
Муки в нем было — две горсти,
А сколько мусора налипло!

Он укатился далеко,
Так далеко, что — не взыщите,
Ищите лучше Сулико,
Пенсне или ключи ищите.

Я признаю свой неуспех,
Встаю и собираю ноты.
Прошу прощения у тех,
Кто не привык глотать пустоты.

Окончим душный разговор,
Забудем беглого младенца
И выйдем на степной простор
Развеяться и оглядеться.

Колосья шумною толпой
Спускаются по косогору,
Глазок луны, еще слепой,
Уже почти предписан взору.

Ромашки, маки, васильки
Глаза в смущении отводят...
Мы в этом поле чужаки,
Пускай другие Колобки
Расследование проводят.

Содержание

«Была дорога ровной и приятной...»	6
«В конце проселочной дороги...»	8
«Июльский вечер тих и справедлив...»	9
Летние ямбы	10
Заштатная узкоколейка...»	11
«Как жарит солнце на закате...»	12
«Туман такой, что мерзнет голова...»	14
«Порвались облака...»	15
«А в октябре все мысли серы...»	16
«Развороши костер погасший...»	17
«Трагизма нет, а есть усталость...»	18
«Только погасишь в комнате свет...»	19
Будни	21
«В преддверье метрополитена...»	22
«Полупустой вагон метро...»	24
Дорожная молитва	25
«Тридцать лет пролежать на печи...»	26
Константинову	27
Красноармеец	29
«Бог – три буквы на бумаге...»	30
«Уста мои встревожены зевотой...»	31
«Как широким неводом зацепит...»	32
«Качаются ветки, плывут облака...»	33
Чемоданову	34

«Когда я думаю о ней...»	36
«Когда я похож на рекламный щит...»	37
«Тебя весенним ветром принесло...»	38
«Не знаю, что я получил...»	39
«Я бы хотел, чтоб она приходила...»	40
«Когда расхочешь все на свете...»	41
«Студена кровь осеннего ручья...»	43
«Потянешь нитку – глядь, дыра в кармане ...»	44
«Здравствуй, здравствуй, дорогой покойник...»	45
«Спасибо похмелью, простуде...»	46
«Еще не музыка, но дрожь...»	47
«Все вокруг да около – зов трубы...»	48
«Я надувал воздушный шар...»	50
«...тому, кто меры не нашел...»	51
«О, нашей мысли обольщенье...»	52
«Когда была мне буря по душе...»	53
«Когда меня разоблачат...»	54
«Жить себе...»	55
«Я видел пидора в метро...»	57
«Я вышел из метро в такой глуши...»	58
«То не звездочка упала в кювет...»	59
«Поднял глаза – и вынужден отпрянуть...»	61
«Не Паваротти, не Карузо...»	62
Второй Колобок	64

дизайн серии и макет:

С. Труханов

корректор:

И. В. Шаховцева

редактор серии:

А. Переверзин

издательство «Воймега»

e-mail: voymega@yandex.ru

отпечатано в типографии ООО «Гаммацентр»

